

Е.И. Зейферт

*Российский государственный гуманитарный университет
Московский государственный лингвистический университет*

ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬ КАК ЗАВЕДОМАЯ ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ В ПОЭЗИИ ВАСИЛИЯ БОРОДИНА

В разделении нуждаются термины «интеллигенция» и «интеллигентность». Есть профессиональное (слой общества, обладающий специальными знаниями в сфере культуры, образования, науки и техники, работники умственного труда) и идеологическое понимание интеллигенции. Интеллигентность – это свойство, и оно не обязательно свойственно людям, которых по роду их занятий, уровню полученного образования принято относить к интеллигенции, и наоборот – интеллигентность может быть присуща людям рабочих и крестьянских профессий. Развитие эпатажа, нарциссизма в современной поэзии отодвинуло на задний план интеллигентность лирического персонажа. Интеллигентность обязательно включает в себя обращенность к Другому, внимание и заботу о нем. Герой книги Василия Бородина, бережно относящийся к людям и вещам, умаляющий себя и растягивающий себя от «мы» в диалоге с Другим, созерцающий братство/сестринство явлений и предметов, – интеллигентный человек нашего времени. Заведомая доброжелательность как свойство интеллигентности вырастает у Василия Бородина до особой категории интуитивного прозрения, используемой для характеристики взаимоотношений человека с человеком, нацеленных на рождение другого через себя.

Интеллигентность, интеллигенция, Другой, Василий Бородин, «Пёс».

Развитие эпатажа, нарциссического мировидения в современной поэзии отодвинуло на задний план интеллигентность лирического персонажа. Категория интеллигентности, до конца не устоявшаяся в сознании, мерцающая в первую очередь из-за сближения понятий «интеллигенция» и «интеллигентность», в поэзии стала еще менее ясной.

Интеллигентен ли, к примеру, лирический герой Василия Бородина? Москвич Бородин (1982 года рождения) – представитель постсоветского поэтического поколения, лауреат премии Андрея Белого и премии «Московский счет», автор ряда поэтических книг таких, как «Луч. Парус» (2008), «Москва – Город-Жираф» (2011), «Цирк “Ветер”» (2012), «Дождь-письмо» (2013), «Лосиный остров. Стихи 2005–2015 гг.» (2015), «Мы и глаза» (2016), «Пёс» (2017). Василий Бородин в своей жизни был преподавателем истории искусств, редактором, корректором, чертежником, книжным иллюстратором. Сейчас он уличный музыкант и грузчик.

Проблемой гуманитарной интеллигенции обстоятельно занимаются ученые научной школы Ж.Т. Гощенко, соавтора и ответственного редактора сборников серии «Интеллигенция и современность» [9; 19]. Особенную ценность имеют рассуждения об интеллигентности и интеллигенции философа Н. Бердяева [3, с. 17–20], литературоведов Ю. Лотмана [13, с. 132], Д. Лихачева [12], М. Гаспарова [5] и других эстетиков и ученых. Их точку зрения учитывают и новейшие работы об интеллигентности/интеллигенции [6; 7]. По мнению М. Дакоро, «значение термина <интеллигенция> всегда было довольно размытым и дискуссионным, причем эта тенденция сохраняется и до сего дня. Размытость термина... обусловлена нечеткостью со-

циальной позиции, которую интеллигенция долгое время занимала в российском обществе, неопределенностью ее социального статуса, а также некоторым рассогласованием между достаточно высокой самооценкой интеллигенции и реальным ее положением <...> начиная с 19 века, вокруг интеллигенции велась довольно интенсивная полемика, которая шла, преимущественно, в кругах самой же интеллигенции. Само понятие “интеллигенция” возникло, как принято считать, в 1866, ввел его П.Д. Боборыкин. Однако современные исследователи отмечают, что термин “интеллигенция” употреблялся и раньше – в 1863 г. он встречается у И.С. Аксакова, а в дневнике В.А. Жуковского он встречается в 1836 г. Таким образом, слово возникло раньше, чем попало в поле широкого общественного внимания» [7, с. 88–94].

Есть профессиональное (слой общества, обладающий специальными знаниями в сфере культуры, образования, науки и техники, работники умственного труда) и идеологическое понимание интеллигенции. М. Гаспаров придерживается смешанного понимания. Он считает, что граница между народом и интеллигенцией «лежит по уровню образования», но утверждает, что интеллигенция, «по общеевропейскому пониманию, это слой общества, воспитанный для того, чтобы руководить обществом, но не нашедший для этого вакансий и предлагающий обществу свою критику или свои предложения со стороны» [5, с. 304]. Известно мнение Н. Бердяева, считающего, что «западные люди впали бы в ошибку, если бы они отождествили русскую интеллигенцию с тем, что на Западе называют *intellectuels*. *Intellectuels* – это люди интеллектуального труда и творчества, прежде всего ученые, писатели, художники, профессора, педагоги и

пр.» [3, с. 17]. Бердяев называет нашу интеллигенцию «идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой», находит у нее типические русские черты, считает ошибочным мнение о потере связи интеллигенции с русской почвой, среди присущих интеллигенции черт называет «беспочвенность, разрыв со всяким сословным бытом и традициями», беззаветную увлеченность идеями, социальную мечтательность, «крайнюю идейную нетерпимость» как самозащиту, религиозную целостность русской души, у русской радикальной интеллигенции идолопоклонническое отношение к науке. Первым русским интеллигентом Бердяев называет Радищева («душа моя страданиями человеческими уязвлена стала») (Там же, с. 17–20).

Говоря об интеллигенции, ученые называют среди ее свойств «высокую нравственную ответственность, ориентацию на соблюдение интересов народа, стремление олицетворять образцы профессиональной культуры, быть примером как в общественной (публичной), так и в личной (приватной) жизни», «идеи жертвенности, служения добру», искреннюю готовность служить всему человечеству, ненадежность социального положения (Ж. Тощенко и его научная школа), «напряженный самоанализ и поиск собственной идентичности», «жертвенность» (интеллигент жертвует личным ради общественного), «горение, превращение жертвенности в самоцель», «оторванность интеллигенции от народа, которому она служила и за свободу которого боролась», «терпимость в “национальном вопросе”», интеллигенты воспринимаются как «отщепенцы vs. соль земли» (Ю. Лотман). По мнению М. Дакоро, «опираясь на идеи Лотмана, мы можем сделать важное заключение: специфика интеллигенции определяется ни ее функцией, ни ее сущностными чертами, которые позволили бы выделить данную группу объективно, – но именно дискурсивно. Упрощая, можно сказать – специфика российской интеллигенции во многом заключается в том, что она считает себя специфичной. В осознании своей миссии и избранничества и есть ее специфика» [6, с. 117].

Перечисленные качества обращены от Я к Другому и во многом принадлежат «старой русской интеллигенции». Ж. Тощенко задается целью понять, стала ли старая российская интеллигенция достоянием истории или она унаследовала то, что было накоплено предшествующими поколениями, и существует в наше время. Ученый склоняется к оптимистическим выводам [19, с. 23–25].

Проблеме интеллигентности посвящена диссертация Л.А. Келеман «Интеллигентность: антропологический статус и манифестация в современном мире» [10]. «Российская интеллигенция является носителем интеллигентности, – пишет автор. – Но интеллигентность не может быть представлена как монополия социального слоя интеллигенции на интеллектуальное осмысление внешнего мира, а представляет собой антропологическое качество человека. Выведение понятия “интеллигентность” только из бытия русской интеллигенции, будет, во-первых, допущением той мысли, что интеллигентность будет содержать в себе лишь образ, абстракцию, являющуюся результатом ее специфического имянаречения. Во-вторых, ограни-

чением права и возможности интеллектуального и эмоционального осмысления внешнего мира рамками определенного социального слоя – интеллигенции» [10, с. 34]. По мнению Л.А. Келеман, «интеллигентность <...> есть результат того, что имеет причиной другого, а потому не только раскрывает себя через осмысление другого, но и существует лишь в других» (Там же, с. 37). Обращенность к Другому чрезвычайно важна для трудов М. Бахтина [1; 2]. По мнению М. Бахтина, «поскольку человек для себя никогда не является целостным и завершенным, то целостно познать его может только Другой. Другой может познать меня, а я могу познать Другого» [8, с. 39]. Бахтинское «Я» сущностно нуждается в Другом, Другой завершает бытие «Я», придает ему цельность.

Д. Лихачев рассуждает: «Многие думают: интеллигентный человек – это тот, который много читал, получил хорошее образование (и даже по преимуществу гуманитарное), много путешествовал, знает несколько языков. А между тем можно иметь все это и быть неинтеллигентным, и можно ничем этим не обладать в большой степени, а быть все-таки внутренне интеллигентным человеком. Интеллигентность не только в знаниях, а в способностях к пониманию другого» [12, с. 45]. Ю.М. Лотман относит к интеллигентам «старого питерского рабочего» и не считает слово «интеллигентность» производным от слова «интеллигенция», видя между интеллигенцией и интеллигентностью «большую разницу» как между профессиональной социальной и психологическим свойством, которое может характеризовать человека любого слоя.

«Интеллигентность не обязательна свойственна людям, которых по роду их занятий, уровню полученного образования принято относить к интеллигенции» [14, с. 101]. Среди черт интеллигентного человека называют «понимание другого, гостеприимность, приветливость, терпимое отношение к миру и людям» [12, с. 45], «настроенность на культуру, на разум, на понимание и ощущение ценности произведений культуры», «умение человека воспринимать чужую культуру, желание выслушать и понять другого человека, терпимость к иному мнению, способность к сочувствию, состраданию», «воспитанность, вежливость, тактичность, скромность» (Там же, с. 43). «Интеллигентность тесно связана с нравственностью и не совместима с агрессивностью, нетерпимостью, непримиримостью» (Там же, с. 45).

А. Левкин в своей известной работе «Почему я не интеллигент?» утверждает невозможность для интеллигента, в отличие от интеллектуала, быть пассионарной личностью и в целом рассуждает о неоднозначности понятия «интеллигент» в постсоветское время [11].

В ряде исследований интеллигентность все же позиционируется как производное от интеллигенции, ее свойство. Так, в концепции портала *intelligentia.ru* содержание термина «интеллигентность» определяется как «способность ее носителя иметь в себе и ценить в других такие качества, как патриотизм, порядочность и профессионализм» [17].

Для пристального исследования проявления интеллигентности в художественном произведении

возьмем книгу Василия Бородина «Пёс» (2017) [14]. В ней есть стихотворение, посвященное интеллигенту:

* * *

как мокрая пыль – не сырая земля,
так эта тоска твоя, интеллигент, –
не горе народное. а на полях
пометки – не неурожай

ты воешь, свернувшись в ночного ежа,
но ведь не от голода – так, от любви
невызревшей и головной,
от мертвенной ясности: да, ты говно
– и все пишут: уезжай

представим отчизну как спирт со змеёй
в стеклянной коробке, но школьный звонок –
как взрыв, и волнами весна в окно
распахнутое плывёт

представим пустые поля под дождём:

оставим пустые поля под дождём;
представим незлых старух,
их валенки летом, ляг во дворе:
пёс дёрнул цепь, сумрачный кот прошёл,
синяк у снохи ещё не сошёл,
а сын три дня как в земле

и дальнего поезда стук сырой:
представим решимость, что ты герой:
граница, свобода, победа – вой
в коленки лбом, головой

Русский интеллигент у Бородина здесь лирический адресат. Ему свойственны особая «тоска» («тоска твоя»), самокопание, нежелание покидать социально неприглядную родину, ностальгия. Это лирическое «ты» не обращение к себе, оно означает Другого, но позволяет через Другого познать себя.

Об истории создания своей книги «Пёс», собранной по словам автора в период болезни (состояние после микроинсульта), В. Бородин сообщает мне в переписке: «Я на всякий случай именно в те дни, когда нарушилась речь и не очень было понятно, что будет дальше с головой, собрал стихи, написанные за год. Там довольно много стихов, написанных “с натуры”, совсем без выдумки, есть несколько текстов песен. Многим показалось, что это скучная книжка о скучной жизни; “Лосиный остров”, конечно, был более счастливый и летучий – и он пришелся на конец определенной литературной эпохи, которая началась в начале века: тогда я был уверен, что делаю с другими поэтами одно и важное дело, экспериментировал с выразительностью, выдумывал новые типы метафоры; философствовал как дилетант, думал, что верю в Бога, даже казалось, что вижу в мире какие-то особенные вещи. Из этого получилось много очень неудачных и глупых стихов, но какие-то, наверное, были и микро-открытия; так или иначе, раньше я чувствовал, что “работаю в современной поэзии”, как в НИИ, и это как бы и есть мое место в мире, а теперь как бы уволился (и премии эти, которые на меня сва-

лились – они и “признание” какое-то обозначили, и то, что я, по общему мнению, уже сделал все что мог, исчерпал потенциал) – и вот теперь просто пишу стихи, и с поэтами просто дружу как человек. Мир оказался одновременно сложнее и проще моих выдумок; самое простое оказалось самым трудным и непонятным. То есть, если говорить о стихах, я совсем не бездарь, много чего понял и про гармонию, и про “форму” вообще, но при этом очень плохо понял мир и людей и до сих пор остаюсь не совсем честным и интеллектуально, и просто не-человечески. Так что “Пёс” – это книжка без такого пафоса “внимание, говорит поэзия”, а там просто человек идет, снег летит – и все как бы выходит на свободу; я все время, в общем, пишу о каком-то просвете среди всяких дурацких страстей, страха, тревоги, усталости, скуки, попыток уйти от одиночества, или отстоять одиночество среди общего многословия, пустословия и бессмыслицы дел – и вот бывает просвет, когда человек вдруг не принуждает себя жить и не тянет за собой никакого прошлого, а просто живет, куда-то идет, дышит, молчит, и не важно, выдержал он в целом проверку жизнью или не выдержал» [15]. В книге Бородина «Пёс» нет установки на жест, проект, лирический герой «честен по-человечески».

Одиночество лирического героя и окружающих его людей и вещей заявлено у Бородина лексически («заводится ничьё сердце / и отчаивается по ночам / это как бы – сырой зимой – тряпка в ветках / летом – белый безветренный шар цветка / с пустым стеблем и горьким соком» [4, с. 3]; «тварное нетварному на всяком / ничьём поле – птицей в небе днём – пишет: одинокий одинаков / пред моим или твоим огнём» (Там же, с. 5), но смягчено использованием местоимения «мы» в обозначении лирического героя как субъекта речи, других людей («но всё-таки победа, что бы ей / мы ни считали, брезжит в каждом дне») и вещного мира («как яростная листва / кружением просит: зимы-зимы / оставленности просим мы» (Там же)). Местоимение «мы» встречается в небольшой книге «Пёс» 15 раз, и всегда в сильной смысловой и ритмической позиции. Его усиливает рифма, начальная или конечная позиции в стихе, повтор.

кружением просит: зимы-зимы
оставленности просим мы

кружением просит: зимы-зимы
оставленности просим мы [4, с. 5]

в комнате до нас
жили прежние мы (Там же, с. 11)

Единичные проявления «я» в книге обнажают слабость, неумелость, не-бесконечность «я».

свет поёт о простом:
что я не умею
быть любить говорить думать но
ближе к вечеру он готов
обвести край
меня: я (Там же)

«Как модернист, Бородин в своих текстах закладывает проект “спасения” частей этого мира, которые малозаметны и/или находятся под угрозой исчезновения» [16, с. 60]. Лирический герой деликатно заботится о людях и вещах («тварное нетварному»), в диалоге с вещами, верит им, слушает их: «поезду веришь? / голому зонту веришь? / перочинному ножу в следах синего грифеля / – чёрный грифель скажет: где гулял? / и сломается в глубине уже очень короткого карандаша» [4, с. 19]. Грифель – своеобразный эквивалент сердца, сердцевины – отвечает устремлениям лирического героя, тратящегося сердцем. Стремящийся сохранить и подарить «колючку снега», «чтобы разговаривала со звездочкой вдаль», наблюдающий ощущение братства, сестринства предметов и явлений («колючка снега, ложась, / светится внутренней чистотой, / белым огнём / рядом сестра её»), он. В сравнениях у Бородина нередко пара «вещь/человек» («как бумажный фонарик бессмертный / мы побьёмся о дождик слепой») (Там же, с. 41)). Лирический герой рассматривает сущностного себя в обращении к Другому – и интеллигенту, и интеллигентному человеку, и другим людям и вещам. «Я и Другой в абсолютном событийном противоречии: там, где другой изнутри себя самого отрицает себя, свое бытие-данность, я со своего единственного места в событии бытия целостно утверждаю и закрепляю отрицаемую им наличность свою, и самое отрицание это для меня лишь момент его наличности» [2, с. 185]. Нивелирование «я», рост Другого от корня «я» через «мы», созерцание Другого и наконец рождение «я» – такие стадии идентификации себя в мире проявлены в книге.

так на заводы шли в сорок втором
подростки: встать на шаткий табурет,
точить снаряды, и пустым двором
идти домой и плакать во дворе [4, с. 25].

Василий Бородин акцентирует внимание на доброжелательной, но не активной преемственности между «нами» и «родителями»:

* * *

в старом дыме жили и росли
тихо родители жгли себя –
светло ровно
нужен новый дым
а мы не горим (Там же, с. 13)

«Отцы» ведут «нас» («я иду по следам впечатлений отца») (Там же, с. 18), «в нас проглядывают старики» (Там же, с. 21), наводят на созерцательные аналогии («старые поэты в старых куртках» и «мы молодые»), но водораздел между нами и «прежними нами» такой же, как между поколениями. Отношение к себе и другому человеку у Бородина тождественно: «Я» и Другой, дающий представление о «Я», живут в неутропическом и вполне возможном мире братства.

* * *

в комнате до нас
жили прежние мы
совершенно те же мы, той же

пустотою полны
– окружены: холодной, светлой
хмурой или поскальзывающейся – дневной
но вчера не было ветра [4, с. 11]

Как музыкант Бородин использует в своих стихах элементы песенной культуры:

снег и плач
смех и плач
ледяное войско
но ты не плачь
ледяное войско нас победило
и включило в себя, не плачь (Там же, с. 5)

Рефрен нередко сопровождает парадигму надежды («сил мало и снится рай»), витальности («и сердца наши гонят по / жилам рыжий огонь, / алый перелив»).

Заявление Василия Бородина о «жесткой антиклерикальности» интеллигента новейшего поколения требует комментария. «В конце XIX – начале XX века “базаровщина” и позитивизм были значительно потеснены: у российских интеллектуалов возник отчетливый запрос на выход за пределы традиционных для русской интеллигенции вопросов и тем. Проще говоря, для интеллигента перестало считаться постыдным быть религиозным человеком, даже мистиком» [20]. Безусловно, советское время на время возвращало и тип интеллигента – атеиста, строителя коммунизма (однако среди интеллигенции советского периода были и верующие люди). Но озарения русской религиозной мистики продуктивны. Поэзия Бородина не антирелигиозна. Вещное окружение, заряженное высшей энергией, особое, бережное отношение к человеку, природе, всему миру в книге «Пес» свидетельствуют о предстоянии лирического героя, его нахождении перед гармонизирующей силой.

полная уже ясность, навык не отвлекаясь
смотреть: катятся облака (Там же, с. 11)

Умаление лирического «я» одновременно создает его динамику, рост: «а ты узел на этой временной нитке / или тёмная капля / в углу глаза мира-пса» (Там же, с. 19). Книга «Пёс» вызывает впечатление того, что ее автор еще деликатнее своего лирического героя:

в искусстве стараешься быть чуть грубей
чем внутри сердца и головы
так мельчайший ярится всегда воробей
вырвать крошку у целой москвы (Там же, с. 18)

Герой книги Василия Бородина, бережно относящийся к людям и вещам, умаляющий себя и растящий себя от «мы» в диалоге с Другим, созерцающий братство/сестринство явлений и предметов, – интеллигентный человек нашего времени. Заведомая доброжелательность как свойство интеллигентности вырастает у Василия Бородина до особой категории интуитивного прозрения, используемой для характеристики взаимоотношений человека с человеком, нацеленных на рождение другого через себя.

Литература

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – Москва : Художественная литература, 1975. – 502 с.
2. Бахтин, М. М. Автор и герой в эстетической деятельности / М. М. Бахтин // Автор и герой: к философским основаниям гуманитарных наук / составитель С. Г. Бочаров. – Санкт-Петербург : Азбука, 2000. – С. 3–226.
3. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Москва, 1990. – 224 с.
4. Бородин, В. Пес / В. Бородин. – Москва : Русский Гулливер ; Центр современной литературы, 2017. – 52 с. – (Поэтическая серия «Русского Гулливера»).
5. Гаспаров, М. Л. Записи и выписки / М. Л. Гаспаров. – Москва : Новое литературное обозрение, 2001. – 426 с.
6. Дакоро, М. А. Ю. М. Лотман о специфике российской интеллигентности / М. А. Дакоро // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 6. – С. 114–120.
7. Дакоро, М. А. Проблемы генезиса и специфики российской интеллигенции / М. А. Дакоро // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2014. – Вып. 2. – С. 88–94.
8. Зиновьева, А. А. Проблема «другого» в философии М. М. Бахтина / А. А. Зиновьева // Известия Тульского государственного университета. – 2011. – С. 34–45.
9. Как живешь, интеллигентия? Социологические очерки / ответственный редактор Ж. Т. Тощенко. – Москва, 2018. – 360 с.
10. Келеман, Л. А. Интеллигентность: антропологический статус и манифестация в современном мире : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. – Ставрополь, 2006. – 386 с.
11. Левкин, А. Почему я не интеллигент ? / А. Левкин // Intelligentia.ru. – Электронные текстовые данные. – URL: <http://www.intelligentia.ru>, свободный. – Загл. с экрана. Данные соответствуют 27 января 2019 г.
12. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев ; составитель и об. редактор Г. А. Дубровской. – 3-е изд. – Москва : Детская литература, 1989. – 240 с.
13. Лотман, Ю. М. Интеллигентия и свобода (к анализу интеллигентского дискурса) / Ю. М. Лотман // Русская интеллигентия и западный интеллектуализм: История и типология. – Москва : О.Г.И., 1999. – С. 132–167.
14. Педагогический энциклопедический словарь / главный редактор Б. М. Бим-Бад. – Москва : Большая российская энциклопедия, 2002. – 528 с.
15. Письмо В. Бородина Е. Зейферт от 18 января 2018. Личный архив Е. Зейферт
16. Сдобнов, С. Песня слабых светом. Рецензия на книгу Василия Бородина «Лосинный остров» / С. Сдобнов // Новый мир. – 2016. – № 4. – С. 56–61.
17. Содержание интеллигентности // Intelligentia.ru. – Электронные текстовые данные. – URL: <http://www.intelligentia.ru>, свободный. – Загл. с экрана. Данные соответствуют 27 января 2019 г.
18. Тощенко, Ж. Т. Гуманитарная интеллигентия: начало конца? / Ж. Т. Тощенко // День науки в Санкт-Петербургском Гуманитарном университете профсоюзов : материалы ежегодной международной научно-практической конференции «Гуманитарная культура как фактор преобразования России» (Санкт-Петербург, 20–21 мая 1999 г.) / ФНИПР, Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, СПбГУП ; составитель: В. Е. Триодин, Л. А. Санкин, И. Г. Абрамова ; ответственный редактор В. Е. Триодин. – Санкт-Петербург : СПбГУП, 2000. – С. 23–25.
19. Тощенко, Ж. Т. Гуманитарная интеллигентия: начало конца? / Ж. Т. Тощенко // Ценностная и социальная идентичность российской гуманитарной интеллигенции. Тезисы Всероссийской теоретико-методической конференции (Москва, 25-26 апреля 2000 г.). – Москва, 2000. – С. 100–112.
20. Эдельштейн, М. Соловьев, Бердяев и другие: русская религиозная философия. Как интеллигентия перестала стесняться религии. Лекция / М. Эдельштейн // Arzamas. – Электронные текстовые данные. – URL: <http://www.https://arzamas.academy/materials>, свободный. – Загл. с экрана. Данные соответствуют 8 февраля 2019 г.

E.I. Seifert

INTELLIGENCE AS A DELIBERATE BENEVOLENCE IN THE POETRY OF VASILY BORODIN

The terms «intelligentsia» and «intelligence» need to be separated. There is a professional (stratum of society with special knowledge in the field of culture, education, science and technology, mental workers) and ideological understanding of the intelligentsia. Intelligence is a property, and it is not necessarily characteristic of people who, by the nature of their occupation, the level of education they have received, are usually attributed to the intelligentsia, and vice versa – intelligence can be inherent in people of working and peasant professions. The development of shocking, narcissism in modern poetry pushed the intelligence of the lyrical character into the background. Intelligence necessarily includes an appeal to the Other, attention and care for him. The hero of Vasily Borodin's book, caring for people and things, belittling himself and growing himself from «we» in dialogue with the Other, contemplating the brotherhood / sisterhood of phenomena and objects, is an intelligent person of our time. In Vasily Borodin's mind, the deliberate benevolence as a property of intelligence grows to a special category of intuitive insight, used «to characterize the relationship between a person and a person, aimed at the birth of another through oneself.

Intelligence, intelligentsia, Other, Vasily Borodin, «Dog».